

«Арша на вас нет!»

Выполнять невыполнимое легендарного тагильского металлурга научила война

Галина СОКОЛОВА

Сегодня таких людей, как Семён Арш, принято называть антикризисными менеджерами. В советские годы слов таких не знали, но умели выходить из туловых ситуаций, вырывать у судьбы удачу не силой и деньгами, а умом, точным расчётом и неомверным трудолюбием. Семён Максевич по жизни борец. Чем труднее задача, тем азартнее брался за неё инженер-металлург. Держать удар и выполнять невыполнимое его научила военная юность.

—В народе бытует мудрость, что яблоко далеко от яблони не падает. К вашей семье она вполне применима. Отец — именитый металлург. Как повлияли на вас семейные традиции?

—Моё детство прошло в Белоруссии, в Витебске. В нашей семье было четыре сына. Я — младший. Отец Макс Исакович имел хорошее образование по профессии «металлист-универсал». В годы первой мировой войны совсем молодым обучивал снаряды, а в тридцатые работал в Витебске на небольшом заводике «Красный металлист» начальником цеха. Занимался изобретательством, всегда что-нибудь придумывал. Помню, на первомайской демонстрации люди несут портреты вождей, красные командиры, а заводские рабочие — рядом с ними ещё и портрет моего отца, подписанный «Наш Эдион». В 1932 году отца наградили орденом Трудового Красного Знамени БССР. Если взглянуть вперёд, во многом моя судьба повторила отцовскую, только война была уже другая и производство масштабнее.

—Семён Максевич, как для вас началась война?

—После четвёртого класса я был в пионерлагере в восьми километрах от Витебска. В воскресенье 22 июня всех детей собрали с вещами, построили в колонну и повели пешком в город. А там на улицах роят вью, полно танков, военных... Отца перевели на казарменное положение, начался демонтаж оборудования. 4 июля отец вернулся с завода с двухколёсной тележкой, сказал, чтобы собрали вещи: через два часа отходит эшелон. Мы взяли с собой совсем немного вещей, аккуратно закрыли двери. Полагали, что через неделю-другую вернёмся домой.

В шесть вечера состав, в котором поехали семьи заводчан, тронулся. Уже через пару часов его начали бомбить. Все из вагонов побежали врассыпную. Я лёг на поле среди ржи и стал смотреть. Летят владее два самолёта, от них отлетают чёрные капли — вроде ничего страшного. Но когда самолёты оказались над нами и земля вздыбилась от бомб, я готов был в землю зарыться. Ещё через час этот кошмар повторился. Великие Луки просочились чудом. Перед нами была большая бомбёжка, и после «массированного» налёта. Позже рассказывали, что всю станцию с землёй там сравняли... А мы — ничего, целыми и даже не очень оголодавшими (на станциях были организованы пункты питания) через 17 дней прибыли на Урал.

Тогда мы ещё не знали, что уехали от неминуемой смерти. В нашем эшелоне ехали еврейские семьи, ведь на заводе работало 80 процентов евреев. Практически все жители Витебска еврейской национальности, не успевшие эвакуироваться, были расстреляны. На окраине в братской могиле в первые же дни оккупации было похоронено шесть тысяч человек.

—Как встретил вас Урал?

—После Суксуна, расположенного недалеко от Кунгура, до войны насчитывал менее пяти тысяч жителей. А тут пришли эшелоны из Белоруссии, Прибалтики. Станки витебского предприятия были смонтированы на базе старого демидовского завода, который в то время выпускал медицинское оборудование для нужд армии. С пуском эвакуированного оборудования в ноябре 1941 года завод стал называться оптико-механическим и начал производство лётных очков.

Местные жители приняли всех сердечно: отдели для приехавших лучшие комнаты, по-

Дедушкой Семён Максевич стал в 1980 году. Теперь внучка Илона — москвичка, у неё своя семья

делились продуктами, дровами. Общая беда сроднила разные народы. Наши хозяева дома, супруги Анциферовы, стали для нас тогда ближе родни. Взрослые в кратчайший срок возобновили производство, а у нас, мальчишек, появились обязанности по отовариванию продуктовых карточек. Стояли ногами в очередях, завидовали ребятам, которым исполнилось 14 лет. Их брали на завод, давали рабочую пайку — 800 граммов хлеба и жиры.

—А ведь вы к станку встали, когда вам ещё не исполнилось 14. Почему взяли?

—Я смолodu был большим, здоровым, из братьев самый младший, но самый высокий. Осенью 1943 года поступил учеником к знаменитому нашему токарю Евмену Ивановичу Ильину. Рабочего с круглошлифовального станка забрали на фронт, вот меня и взяли на его место. К слову, я со станком этим в прошлом году сидел, когда побывал в Суксуне. Оптико-механический завод преобразился, стал современным, а мой станочек всё при деле.

Евмена Ивановича в Суксуне «профессором» называли. Дело токарное знал досконально, на старинном своём станке сложнейшие задания выполнял с ювелирной точностью. Изготавливал даже режущий инструмент диаметром 1,15 миллиметра. Он для меня был Учителем, именно так — с большой буквы. Научил, как надо с инструментом обращаться, как точить, шлифовать. С «допусками» и «посадками» познакомил. Любью к металлу заразил и определил всю мою дальнейшую судьбу.

Ещё одним учителем стал отец. Он продолжал совершенствовать производство. Поручил мне по эскизам делать чертежи, и я настолько поднатерел, что, когда пришёл после вуза на производство, смотрел на чертеж, а видел готовую деталь.

—После войны решили подкрепить практику теоретическими знаниями в вузе?

—После войны я в школу пошёл доучиваться — в седьмой класс. А школа у нас была хоть и деревенской, но давала очень качественное образование. Многие педагоги были из числа репрессированных. Хорошо образованные, с учёными званиями. Благодаря им суксунские выпускники сдавали экзамены в вузы без проблем. Так и я поступил в самый, пожалуй, престижный технический вуз региона — Уральский политехнический институт, выбрав кафедру «Обработка металлов давлением». В этом же институте тогда уже мои два старших брата учились, нашу комнату в общежитии прозвали комнатой Аршей.

Студенческая пора осталась в памяти не только чередой лекций и сессий. Я серьёзно увлекся спортом, имел разряды по гимнастике, волейболу, тяжёлой атлетике. Хоть и худенький, а здоровый, закалённый.

До поздней осени по академгородку с голым торсом ходил. На соревнованиях по волейболу в числе соперников часто оказывался Борис Ельцин, учившийся в то же время на стройфаке.

—Семейное счастье тоже вам подарил Нижний Тагил?

—Когда приехал, была мысль лет пять похолостячить, но встретил Софью... В августе 1954 года встретил, а в октябре уже женился. В ноябре следующего года родился сын — Саша. С супругой сорок лет прожили и ни разу не разругались. Характер у неё был золотой. По профессии она врач-гинеколог, была первой заведующей женской консультацией в Тагилстроевском районе. Работу свою Софья Моисеевна любила, а мою — уважала. Ночью вызывали меня в цех, в выходные работал — ко всему относился с пониманием. В 1994 году её не стало, а в 2007-м ушёл из жизни сын Александр. Внука с семьёй живёт в Москве, а я из своего Тагила никуда не собираюсь — здесь у меня друзья, дорогие сердцу места.

—Слышала от ветеранов комбината, что за вами закрепилась репутация «порывного» начальника. Две впервые проявились такие способности?

—В 1965 году назначили меня начальником участка отдела колёсопротачного цеха. Участок крупный — 300 человек работает, сложный и в технологии, и в управлении. Это последний ступень перед поставкой продукции заказчику — МПС. Все орехи, допущенные при прокате, устраняли станочники. Работа индивидуальная, кропотливая. Токарей здесь всегда не хватало. Кроме того, некоторые из мастеровитых рабочих баловались водочкой. Подходил к каждому индивидуально. И «гайки» закручивал, и поглажки давал. Рабочие, которые иногда «злоупотребляли», в шутку говорили: что они — «золотой фонд» Арша. Хоть спуску не даёт, но и заботится об условиях труда, о зарплате. Но не все, конечно, на участке выпить любили, цех гордился людьми, которые бы-

если учесть, что институтская повышенная стипендия у меня была всего на 300 рублей меньше. Потом работал мастером и десять лет начальником смены.

—Владимир Паршин, прошедший на НТМК путь от начальника смены до директора, в случаях, казавшихся безнадёжными, любил отправлять специалистов за помощью и советом к вам. Откуда такое доверие?

—Есть у меня одна особенность, о которой очень хорошо знал Владимир Андреевич. В критической ситуации вдруг моя личная «ЭВМ» начинает усиленно работать. И чем сложнее проблема, тем азартнее я за неё берусь, и решение обязательно найду.

—В шестидесятые годы колёсопротачный цех сам работал «с колёс». Чтобы выполнить месячный план, ещё раскалённые заготовки грузили прямо в вагон. Станочники на отделе работали без выходных, в авральном режиме. Ни о каких запасах и незавершённом производстве даже речи не было. Такое положение вещей никого на комбинате не устраивало. Директор предприятия Геннадий Овчинников и главный протачник Владимир Паршин предложили мне возглавить цех. Поставили задачу так организовать производство, чтобы в конце месяца при полном выполнении плана в цехе оставалось три тысячи колёс незавершённого производства.

Прошёл все участки. Побывал во всех сменах. Собрал информацию с мест о том, что мешает стабильной работе. Пересмотрел систему оплаты труда. Ввёл так называемое «сало», то есть материально заинтересовал рабочих в перевыполнении норм. Люди поняли, что их мнение небезразлично начальству, и к новым прибавкам к заработной плате хорошо отнеслись. Работа кипела, резко снизился простои, меньше стало брака. Год цех закончил с запасом готовой продукции в 12 тысяч штук, что составляет восьмисуточный план производства.

—Добившись отличных результатов в родной колёске, вы, наперекор, совсем не собирались менять её на рельсобалочный цех, который тогда переживал не лучшие времена?

—Не собирался. После трудов праведных в октябре 1974 года отдыхал в Кисловодске. Вдруг звонок Паршина — директор срочно вызывает. Делать нечего, поехал на комбинат. А там меня подарочек — настоячивое предложение возглавить рельсобалочный цех. Я сначала упирался, ведь одно дело колёска, где мне каждый винтик знаком, каждый человек известен, другое — рельсобалка. Неизбежная, огромная, из года в год не выполняющая план. В итоге сдался, ведь воспитаны так: дали поручение — разбейся, но выполни.

1961 год. Колёсопротачный цех НТМК. Трудный день начальника смены Семён Арш (третий слева) и его бригада начинали только в хорошем настроении

ли и в труде, и после смены на высоте. Такие, как Юрий Чибисов, Анатолий Морозов — они по моему ходатайству заслуженно получили высокие государственные награды.

—Владимир Паршин, прошедший на НТМК путь от начальника смены до директора, в случаях, казавшихся безнадёжными, любил отправлять специалистов за помощью и советом к вам. Откуда такое доверие?

—Есть у меня одна особенность, о которой очень хорошо знал Владимир Андреевич. В критической ситуации вдруг моя личная «ЭВМ» начинает усиленно работать. И чем сложнее проблема, тем азартнее я за неё берусь, и решение обязательно найду.

В шестидесятые годы колёсопротачный цех сам работал «с колёс». Чтобы выполнить месячный план, ещё раскалённые заготовки грузили прямо в вагон. Станочники на отделе работали без выходных, в авральном режиме. Ни о каких запасах и незавершённом производстве даже речи не было. Такое положение вещей никого на комбинате не устраивало. Директор предприятия Геннадий Овчинников и главный протачник Владимир Паршин предложили мне возглавить цех. Поставили задачу так организовать производство, чтобы в конце месяца при полном выполнении плана в цехе оставалось три тысячи колёс незавершённого производства.

Прошёл все участки. Побывал во всех сменах. Собрал информацию с мест о том, что мешает стабильной работе. Пересмотрел систему оплаты труда. Ввёл так называемое «сало», то есть материально заинтересовал рабочих в перевыполнении норм. Люди поняли, что их мнение небезразлично начальству, и к новым прибавкам к заработной плате хорошо отнеслись. Работа кипела, резко снизился простои, меньше стало брака. Год цех закончил с запасом готовой продукции в 12 тысяч штук, что составляет восьмисуточный план производства.

—Добившись отличных результатов в родной колёске, вы, наперекор, совсем не собирались менять её на рельсобалочный цех, который тогда переживал не лучшие времена?

—Не собирался. После трудов праведных в октябре 1974 года отдыхал в Кисловодске. Вдруг звонок Паршина — директор срочно вызывает. Делать нечего, поехал на комбинат. А там меня подарочек — настоячивое предложение возглавить рельсобалочный цех. Я сначала упирался, ведь одно дело колёска, где мне каждый винтик знаком, каждый человек известен, другое — рельсобалка. Неизбежная, огромная, из года в год не выполняющая план. В итоге сдался, ведь воспитаны так: дали поручение — разбейся, но выполни.

В рельсобалочном цехе пошёл по опробованному уже пути повышения производительности труда. Опять собрал на всех участках замечания рабочих, обязал технологов и механиков их устранить и в дальнейшем обеспечить надлежащий надзор за оборудованием. Усилил руководство в сменах, а для рабочих ввёл дополнительную мотивацию. Как же без «сала»? С коллективом цеха продала огромную работу по сокращению простоев и аварийности, дирекция помогла с бесперебойным обеспечением металлом. В итоге годовой план мы выполнили успешно. Наш цех был признан лучшим среди прокатных производств предприятий чёрной металлургии СССР. Люди, окрылённые успехом, благодарили меня, а я им резонно замечал: «Я тут человек новый. Это всё сделали вы, потому что работали правильно».

Работать правильно вошло у протачников в привычку, и с каждым годом цех, проектная производительность которого всего 700 тысяч тонн, наращивал производство. В 1976 году мы прокатали 1437 тысяч тонн — это максимальная производительность за всю историю цеха.

—Тем не менее после ясной поры наступили сумерки. В 1980-м плановые задания вновь стали для рельсобалки недостижимыми. Почему тогда произошло?

—Когда запустили широкополосный стан, часть самой металлоёмкой продукции у нас забрали, нагрузив «мелочовку». Вместо 60-тонной балки мы стали выпускать швеллер. При этом никто не озаботился пересчитать нормы текущих простоев для нового сортамента. Вот и получили дисбаланс — по «горячему часу» выработку делаем, а тоннаж за месяц не выполняем. На завод комиссия народного контроля из Москвы прибыла, неделю её представители по цеху ходили, нарушений не обнаружили. Меня со всех сторон клюют: директор Виктор Удовенко на рапортах за невыполнение плана корри, заместитель министра «на колёв» вызывал, партком 4 февраля 1980 года строгий выговор объявил.

Мы со специалистами из цеха допоздна не уходим, рабочие востро стараются, а плана всё равно нет. В чём дело? Взял у экономистов отчётность по цеху за 10 лет, сделал сравнительный анализ. Выяснил, что с изменением вида продукции норма текущих простоев должна была значительно увеличиться, и шесть с половиной процента тоннажа нам планируют необоснованно — технология столько сделать не позволит. Собрал все документы, поехал в Москву к отраслевым экономистам, потом в Госстанб и, наконец, в Госплан. Доказательства были приняты, в итоге план по прокату сократили на 68 тысяч тонн. Тонны с цеха сняли, но и меня тоже сняли с руководства. Видимо, за «самодельность» в Москве, ведь при корректировке плана выяснилось, что это должны были ещё раньше обосновать экономисты комбината.

—Обидно было?

—Не без этого, ведь в этой невротичке довел себя до сердечного срыва. Но опыт и знания при мне, без дела не остался. Работал до 1990 года на комбинате, и бывали случаи, когда в ситуации, которую все называли безвыходной, руководители вновь обращались ко мне за помощью. Брался, так как считал, что работники не на директора, а для завода, для города. Настоящие специалисты и тогда, и сейчас всё, что знают и умеют, отдадут предприятию. Я из их рядов. Горжусь тем, что работал и жил честно. И теперь, на склоне лет, упрекнуть мне себя не в чем.

ДОСЬЕ «ОГ»

Семён Максевич АРШ
Родился 18 ноября 1929 года в Витебске БССР.

Летом 1941 года был с семьёй эвакуирован на Урал — в посёлок Суксун Молотовской области. В 1943 году поступил на суксунский оптико-механический завод учеником токаря, работал до конца войны. В 1945 году пошёл в седьмой класс средней школы, после её окончания поступил на кафедру «Обработка металлов давлением». В 1954 году закончил вуз, получив диплом с отличием по специальности «Инженер-металлург». По распределению поехал в Нижний Тагил на металлургический завод.

На НТМК сначала работал в колёсопротачном цехе, прошёл путь от помощника мастера до начальника цеха. С 1974 по 1980 годы возглавлял крупнейший прокатный цех комбината — рельсобалочный. В дальнейшем работал заместителем начальника цеха, начальником цеха, начальником производства комбината, начальником производства колёсных пар в СП «Интермет» и старшим представителем органа Государственной приёмки на НТМК. Общий стаж на Нижнетагильском металлургическом комбинате — 36 лет.

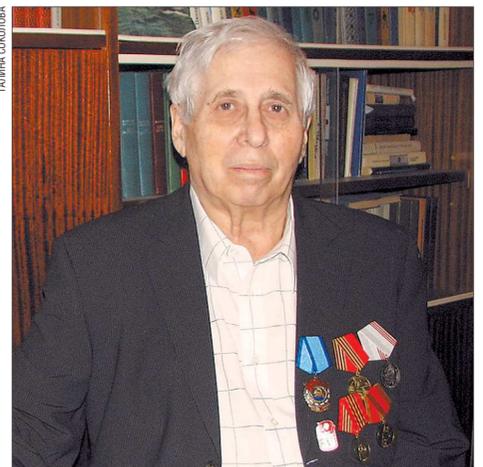
Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», орденом Трудового Красного Знамени, знаком «Отличник социалистического соревнования Министерства чёрной металлургии СССР».

Детство в Витебске

1954 год. Свердловск. Перед защитой диплома

2012 год. Сегодня Семён Максевич на заслуженном отдыхе, но редкий день выдаётся свободным. Есть друзья, общественные нагрузки, садовые хлопоты

Блиц-опрос

—Вы долгие годы работали во вредных условиях труда и в состоянии постоянного стресса. Как восстанавливали силы и душевное равновесие?

—Кроме спорта, помогали несколько любимых занятий. С 1965 года у меня есть садовый участок на речке Капашке. Живописное место рядом с лесом. Там дом, баню, мост — всё сам построил. Быть за урочай жене не устраивало, но в теплицу никого не допускаю — справляюсь сам. Ещё одно увлечение — автомобиль. Езжу в любую погоду. У меня 53 года шоферского стажа и ни одной серьёзной аварии. А всё потому, что смолду взял за правило усматривать в каждом встречном водителе потенциального нарушителя.

—А на чтение книг время находите?

—Всегда, даже в годы, когда работали без выходных и допоздна, на книгу время находилось. В личной библиотеке две с половиной тысячи книг, многие прочитаны не по разу. Я заснуть не могу без чтения — привычка. Особенно нравятся исторические романы, Виктора Астафьева люблю перечитывать, Юрия Бондарева. А фантастика не привлекает — реальные люди и события интереснее.

—Как относитесь к музыке?

—Я приехал в 1954 году в Нижний Тагил с двумя чемоданами. В одном — книги, в другом — пластинки. Люблю исполнителей, заставляющих думать. Уважаю творчество Владимира Высоцкого. Недавно был день его рождения, я ожидал, что по телевизору покажут большой концерт в его честь. Не показали. А ведь в России множество почитателей Высоцкого.

—Говорят, что профессия накладывает отпечаток на характер человека. В обычной жизни проявляются навыки «технаря»?

—Обязательно. Привык к точности, порядку. Даже берёзки возле садового участка посадил как по линейке — через равные промежутки.